

В.В. Пенской (Белгород)

ЧЕРКАССКОЕ «СИДЕНИЕ»

ИСТОРИЯ крымско-литовско-русского пограничья в конце XV – 1-й половине XVI в. еще не написана (впрочем, как и применительно ко 2-й половине XVI в.), хотя отдельные сюжеты и некоторые страницы ее уже были рассмотрены как отечественными, так и зарубежными исследователями.¹ Здесь (как, впрочем, и по многим другим сюжетам истории русской и соседних с Россией государств) по-прежнему остается широчайшее поле для исследований. Повествование о том, как крымский «царь» Саадет-Гирей ходил с ратью на украинный городок Великого княжества Литовского Черкассы зимой 1532 г., как раз и является шагом на пути создания полноценной истории пограничья, контактной зоны, зоны фронта, где сталкивались интересы трех государств и нескольких формирующихся, ищущих свою национальную и иную идентичность культур. Нельзя сказать, что оборона Черкасс зимой 1532 г. от татар совсем уж не привлекала внимания историков. Так, и на Украине, и в Польше в последние годы вышел ряд работ, в которых так или иначе рассматривается эта страница истории крымско-литовско-русского пограничья.² Но, как правило, в этих работах черкаское «сидение» трактуется с сугубо позитивистской точки зрения, описательно, и в контексте крымско-литовских и крымско-польских отношений. Между тем сохранившиеся документы и свидетельства нарративных источников позволяют поместить это событие в общий контекст истории крымско-литовско-русского «фронта» и крымско-литовско-русских отношений.

Начало этой истории можно смело отнести к началу 20-х гг. XVI в., когда подходила к концу очередная русско-литовская (или

1-я Смоленская) война 1512–1522 гг., и когда отношения между союзными прежде Москвой и Крымом прекратились, и постепенно нараставшая взаимная неприязнь вылилась в знаменитый «крымский смерч» 1521 г. Правда, победивший Василия III крымский хан Мухаммед-Гирей I не стал добивать московского великого князя, а предпочел заняться покорением Астрахани, чем вызвал серьезное неудовольствие ногайских аристократов. Ногайские мирзы, всерьез опасавшиеся, что вслед за Астраханью настанет и их черед, в 1523 г. убили Мухаммед-Гирея и опустошили крымский юрт, отплатив тем самым крымцам за те притеснения и беды, которым их подвергли «крымские люди» по воле отца Мухаммед-Гирея Менгли-Гирея I.

Результатом этой смерти и погрома стала долгая, растянувшаяся на без малого полтора десятилетия крымская «замятня»³, в ходе которой в борьбе за власть сошлись сын Мухаммед-Гирея Ислам-Гирей и его дядя Саадет-Гирей. Саадет-Гирей, пользуясь поддержкой Стамбула, сел было на крымском столе, но часть крымской аристократии отказалась признать поставленного турецкою волею хана и встала на сторону Ислам-Гирея. Началась долгая гражданская война, в которой обе стороны отнюдь не стеснялись в средствах (особенно в этом «отличился» Ислам-Гирей) и в которую с удовольствием вмешались, преследуя свои корыстные интересы, Москва и Вильно, попеременно поддерживая то одного, то другого претендента и стоявших за ним татарских «князей, вланов и мурз».

Очередной раунд «замятни» пришелся на весну 1531 г. Дядя и племянник бдительно следили друг за другом, ожидая, кто первым оступится или даст промашку, с тем, чтобы нанести решительный удар по сопернику и прекратить изрядно затянувшуюся и поднадоевшую всем усобицу. Саадет-Гирей, сделавший к тому времени ставку на поддержку со стороны Москвы и опиравшийся на московских «доброхотов» в Крыму, почувствовал, что его положение становится все более и более шатким. Василий III не торопился слать большие поминки, ограничиваясь одними обещаниями да перепиской. Попытки надавить на великого князя литовского Сигизмунда I также успеха не имели – набеги на сигизмундовы владения успешно отражались литовскими пограничными «баронами» (тогда как московские воеводы зимой 1531 г. допустили досадный прокол, позволив царевичу Бачкаку разграбить окрестности Одоева⁴).

Опустевшая ханская казна не позволяла Саадет-Гирею поддерживать лояльность примкнувших было к нему татарских аристократов,

и обиженный меньшими, чем ожидалось, размерами присланных из Москвы подарков хан приказал ограбить русского посла С. Злобина. Сделав это, он отправил в Москву гонца с упреками за недостаточные, с его точки зрения, «поминки», оправдывая при этом свои действия по отношению Злобину убийством крымских послов в Москве в 1527 г.⁵

Однако, пока хан размышлял, а попытаться ли снова заручиться дружбой со стороны Вильно, против него созрел заговор. Стоявший во главе влиятельнейшего в крымском юрте рода Ширинов Бахтеяр-мурза и его брат Аулияр-мурза, по сообщению русского посла в Крыму С. Злобина, задумали убить Саадет-Гирея. Так ли это было, или же Бахтеяр-мурзу с братом подставили брат Саадет-Гирея Сахиб-Гирей, вернувший себе звание калги – преемника хана на крымском столе, брат главы рода Ширинов Токузак-мурза и собственный сын Юнус – сегодня уже выяснить трудно. Однако Саадет-Гирей, уверенный в том, что Бахтеяр и Аулияр намерены, устроив переворот, возвести на трон Бачкак-Гирея, а его брата Юсуфа сделать калгой, решил воспользоваться приглашением главы Ширинов посетить его столицу, Старый Крым. Окружив себя османскими янычарами и спahi, взяв с собою артиллерию, хан отправился в гости и на корню уничтожил заговор (если таковой действительно готовился). Исход этой поездки был печален. Бахтеяр, Аулияр, Бачкак и Юсуф были казнены вместе с детьми и теми ширинскими мурзами, кто не успел бежать из города, а Сахиб-Гирей тем временем изгоном напал на ширинские кочевья.⁶

Ислам-Гирей, судя по всему, не стал испытывать судьбу и, опасаясь попасть под горячую руку дяди, бежал в Астрахань.⁷ Правда, там он надолго не задержался (видимо, памятуя о печальной судьбе своего отца) и откочевал со своими людьми в Поле, одновременно попытавшись завязать отношения и с Москвой, и с Вильно на предмет получения убежища и помощи в борьбе с Саадет-Гиреем. Сперва царевич в конце 1531 г. отправил к Василию «князя своего Кудодара Кудьярова сына Бангозина» с посланием, в котором предложил великому князю дать ему «место» в своей земле, а он, Ислам-Гирей, за это согласен считать себя «сыном» Василия и «неотступен хочет быти от великого князя и до своего живота».⁸

Московский великий князь, посчитавший, что лишний татарский царевич, да еще и претендент на крымский стол, никогда не помешает, на просьбу Ислама ответил добром, «пожаловал, и в братстве учи-

нился, и сыном его назвал». Сам же Ислам-Гирей шертовал великому князю в том, что «ему от великого государя и от его сына от князя Ивана Васильевича неотступну быти и великому князю Василию и его сыну Ивану и их украинам лиха никоторого не чинити».⁹

Несколько позже, в самом начале 1532 г., Ислам-Гирей со своими людьми прикочевал под Канев и Черкассы, откуда вступил в переписку с Сигизмундом. Король в феврале 1532 г., обращаясь к панам рады Великого княжества Литовского, писал, что татарский царевич «к нам ся склоняет и пишет до нас, жадаючи о помоч напротивку Садеть-Кирея, цара Перекопського, будучи тое надеи, ажбы мог того столца, отчизны свое дойти». При этом Сигизмунд указывал, что при Исламе находится московский посол, и московский великий князь одарил бывшего калгу богатыми подарками, и «к нему ся залецает, абы он до него склонность мел».¹⁰

Паны рады оказались перед сложным выбором – на чью сторону встать, поддержать ли им Саадет-Гирея или же принять челобитную его племянника. А пока они решали эту проблему, Саадет-Гирей продолжил ковать железо, пока оно горячо: разобравшись с изменниками, следующим на очереди он поставил племянника, благо он, откочевав из-под Астрахани к Черкассам, оказался в пределах досягаемости. Урядив более или менее внутрикрымские дела, собрав верных ему людей и взяв с собой свою «лейб-гвардию», в начале 1532 г. хан выступил к Черкассам, старостой которых был знаменитый тогда пограничный «барон» Остафий Дашкович.¹¹ Любопытную характеристику дал ему имперский дипломат С. Герберштейн. По его словам, Дашкович был «муж весьма опытный в военном деле и исключительной хитрости» и «неоднократно вступал в сношения с татарами, но еще чаще бивал их...».¹²

Что представляли собой Черкассы и его гарнизон в то время? Увы, сведений об этом не сохранилось, однако сохранилась опись замка, датированная двадцатью годами позже. К тому времени Черкассы были уже перестроены, однако некоторое общее представление о том, что представлял из себя замок, составить все же можно. Итак, рубленный в 1549 г., он был сосновым, насчитывавшим 4 башни-вежи и 29 крытых городен. Любопытное примечание из описи: согласно ей, «все будованье то замково унижоно; можеть на некоторых местцах человек, на земле стоячи, бланькованья, а подьсябитья киемь досягнути». Выходит, что замок был, как говорится, не низок и не высок, и вряд ли в 1532 г. его качество было не в пример лучше

описанного. Да и размерами он был невелик: «просторность замку удолж сажон 30, а в поперек отъ стены, которая от Днепра, до рову, который теперъ в замку, а перво был за стеною старого замку, сажон 17...». ¹³

Правда, не слишком внушительные черкасские фортификации отчасти усиливались расположением замка: «стоит замок тот Черькасский на горе Днепровой, от Днепра болонем три перестрелы з лука», при этом «гора под половиною замка от Днепра высока и прыкра досыть, приступу там нет». Единственное место, откуда можно было приступать к нему – «от поля приступ до замку ровно, яко по столу». ¹⁴

Такое расположение облегчало задачу, стоявшую перед защитниками замка. И снова отметим, что пока сведений о том, сколько именно людей было в распоряжении Дашковича зимой 1532 г., нет. Однако представление о том, каким было вооружение замка и численность его гарнизона, можно составить все по той же ревизии 1552 г. Согласно ней, основу гарнизона составляла наемная пешая драбская рота ротмистра Петра Розбицкого, по штату в сотню драбов «з бубны, з пропоры, зъ зброями – в десятку каждомъ по два копийники в зброяхъ, з корды, а з алябартами або з ошцы, а по шести стрельцовъ з ручьницы, з мечи». Помимо этой роты, в замке также находилась наемная же рота самого старосты из «драбов же давнейших», 60 человек, «в десятку в каждомъ по два копийники в зброяхъ зъ ошцы, з корды, а по осми стрельцовъ з ручницами з мечи». Кроме того, в замке располагался почт «з бубном и з прапором» самого старосты, 50 «молодцов приездъчих» и 11 местных, черкасских и каневских уроженцев, все «ездно з броной». ¹⁵

Кроме драбов и служилых людей старосты, в гарнизон замка входили также 2 пушкаря: «молодой», минчанин Ворона, «коваль и стрелец з дел добрый, порохи робить, дела оправдуеть и знову ручницы ковати уметь», и ветеран, судя по всему, бывший еще с Саадет-Гиреем, немец Томас Козел (который обязан был выдавать «на год по 30 куль каменныххъ»). Пушкарки эти управлялись с четырьмя «делами» (2 из которых точно прибыли в замок уже после осады) и четырьмя «сарпантынами». Помимо артиллерии, в замку «вогнепальной зброи» было 36 («гакивницъ» и одна неисправная) и еще загадочных 7 «киев железных, што стрелять с нихъ», а также 29 «гаркабузов». ¹⁶

Гарнизон Черкасского замка мог полагаться также в случае нападения неприятеля на помощь 9 местных бояр, которые обязаны были

«служити коньно, збройно», а также на черкасских мешан, также обязанных службою, общим числом 223, и еще 25 городских слуг. Наконец, черкасский староста в 1552 г. мог полагаться также и на «прихожих казаков», коих в зиму 1552 г. было «разомь о польтре-тяста».¹⁷ Таким образом, Дашкович располагал примерно 400–600 бойцами, неплохо (по тем временам и для тамошних мест) оснащенными огнестрельным оружием. И хотя укрепления Черкасс были далеки от совершенства, однако против татарской армии, не умевшей и не желавшей брать укрепленные замки и города правильной осадой, они были, в общем и целом, достаточны.

И в завершение описания черкасских фортификаций скажем еще и о посаде, который находился под замковой горой: «Место сидить при замьку в острозе. Острогъ справен добре з дерева дубового дилеванемь а кольем тольстым и частым». Перед частоколом острога был «перекопец», но не глубокий, «может конь къ острогу через перекопец доехаты».¹⁸

С какой ратью явился Саадет-Гирей под Черкасы? На этот вопрос ответить еще сложнее, чем в случае с гарнизоном Черкасс, ибо никаких документов и воинских списков времен Саадет-Гирея (впрочем, равно как и других ханов) не сохранилось. Польский хронист Мартин Бельский сообщал в своей хронике, что Саадет-Гирей явился под Черкасы в марте 1532 г. (в письме панам рады от 21 февраля 1532 г. Сигизмунд о выступлении Саадет-Гирея еще не упоминает¹⁹) с полутора тысячами турецких янычар и полусотней артиллерийских орудий-«dzial»²⁰ (и вслед за ним эти цифры некритически приводят, к примеру, современные польские и украинские историки²¹). Между тем азовский бегкул Махмуд в 1523 г. сообщал Василию III, что его господин, султан Сулейман, отправляя в Крым садиться на освободившийся «столец» Саадет-Гирея, дал ему в сопровождение 500 «пищальников», «побережи нового царя, доколе укрепится».²² Поэтому если и было при Саадет-Гирее 1,5 тыс. турок, то это все вместе взятые, и янычары, и спахи султанской гвардии-капыкулу, выполнявшие роль своего рода ханской «лейб-гвардии». Добавим к этому двор самого хана, его вассалов и «полки», выставаемые карачи-беками (род Кыпчаков и Аргынов выставал 3 тыс. всадников, Мангыты – 2 тыс., 5 тыс. – Ширины²³, но на них полагаться из-за недавних событий было нельзя). В итоге хорошо, если в распоряжении Саадет-Гирея было около 10 тыс. «сабель» и «пищалей», причем «сабли», безусловно, численно, и многократно, преобладали над

«пищалими». Однако очевидно, что ценность конницы при осаде крепости весьма невелика, в особенности если речь идет о коннице татарской – и сам хан не особо желал посылать своих нукеров на стены, а карачи беки уж тем более.

Аналогично и с «царской» артиллерией. То, что у Саадет-Гирея было несколько крупнокалиберных орудий, в принципе не вызывает сомнений: во всяком случае, Дашкович в 1533 г. на сейме в Пиотркуве демонстрировал собравшимся делегатам «*wielikie kule od strzelby tatarskiej*», собранные в Черкасском замке во время минувшей осады.²⁴ Однако было ли их именно 50 – вот это вызывает серьезные сомнения, поскольку даже в самые лучшие времена ханы не брали с собою в поход такую артиллерию.²⁵ С такой цифрой можно согласиться лишь в том случае, если посчитать в это число всю ханскую «вогнепальную зброю»: от тяжелых орудий, стреляющих теми самыми «великими кулями», до легких фальконетов и затинных пищалей-гаковниц.

Сравнивая силы, которые должны были сойтись в смертельной схватке под невысокими деревянными стенами Черкасс, невольно задаешься вопросом: а действительно ли Саадет-Гирей хотел брать город и замок? Если только не случайность или не внезапность, то на что рассчитывал крымский «царь»? Ислам-Гирей, узнав о том, что его дядя движется с немалой силой на Черкасы, поспешил откочевать на левый берег Днепра²⁶, поближе к владениям Василия III, где он был недостижим для крымского «царя». Тем самым один из мотивов, сподвигших хана на такой решительный шаг, отпал. Но, в таком случае, может, Саадет-Гирей решил обезопасить себя со стороны О. Дашковича? Этот мотив более вероятен, учитывая, что казаки, пользовавшиеся покровительством и защитой Дашковича, наносили немалый вред крымскому юрту (а в том самом памятном для крымцев 1523 г. Дашкович вместе со своими людьми и присоединившимся казаками напал и дотла разорил Ислам-Кермен²⁷, крымскую крепость в низовьях Днепра, охранявшую один из стратегических «перевозов» через реку). И вот что любопытно: Василий III знал о намерениях Саадет-Гирея еще в конце 1531 г.²⁸, когда в Москву прибыл ханский гонец с известием о шертовании хана «со всей землей» великому князю и намерении Саадет-Гирея выступить против Сигизмунда. Между тем есть все основания полагать, что в начале 1530-х гг. Василий III намеревался прервать перемирие с Сигизмундом и начать новую войну с ним.²⁹ И, судя по всему, в ско-

лачиваемую московским великим князем коалицию должны были войти молдавский воевода Петр Рареш и крымский хан.³⁰ И тот факт, что Василий одновременно и завязал контакты с Ислам-Гиреем, и приложил немалые усилия для того, чтобы заменить на казанском столе известного своей неприязнью к Москве Сафа-Гирея, двоюродного брата Ислам-Гирея, на другого «царя», настроенного дружелюбно по отношению к Русскому государству, наводит на мысль о том, что опасения Сигизмунда и его советников были совсем небеспочвенны. Атака Саадет-Гирея на Черкассы хорошо укладывается в военные приготовления союзников: хан, отправляясь в поход против Сигизмунда, должен был быть уверен в том, что ни со стороны Ислам-Гирея, ни стороны украинских литовских казаков ему и его юрту не угрожает опасность³¹.

Но вернемся обратно к истории черкасского «сидения». Нет сомнений в том, что приготовления хана и его выступление к Черкассам было заблаговременно обнаружено Дашковичем и его людьми. Черкасский и каневский староста был человек опытный, тертый, как и его служебные люди, не говоря уже о казаках, промышлявших набегами-наездами на татарские кочевья. Из описи Черкасского замка 1552 г., о которой мы уже писали выше, следует, что в обязанности старосты и черкасских бояр и мещан входила организация сторожевой службы в Поле: «повинни черькасцы бояре служити коньно, збройно и ездити с старостою, або и без старосты с служебниками его против людей неприятельских и в погоню за ними. А хотя б и не было слуху о людех неприятельских, одьнакъ же, для острожности отъ нихъ повинни бояре со старостою, або съ слугами его ездити на поле раз, и два, и три на лето». В описи подробно расписывался и порядок сторожевой службы, и расположение застав: «На поли сторожу держѣти повинни, складаючися теж на то вси так бояре, яко мещане часов потребных, кгда на пашни выходят, або кгда ся выстерегают людей неприятельскихъ. А мевають сторожу польную на местах урочистых: на Тясмени у Чигирина в осми милях отъ замку, на Голом Тясмени пять миль от замку, на Рдне 5 миль, у Сугарева кургана 6 миль, у Великого кургана 3 мили, на Мостицах 3 мили, на Мошнах 3 мили, або иньде, где бы потреба указывала»³².

Получив известие о приближении татар, Дашкович и его люди, надо полагать, действовали быстро и решительно – народ на границе жил привычный к такого рода событиям, татарская угроза никогда не сходила с повестки дня, потому, надо полагать, такой паники и беспорядка, какое были в Москве 1521 г. (со времен Василия II не ви-

девшей врага под своими стенами), не было. В источниках ничего не сообщается о судьбе черкасского посада, однако вряд ли приходится сомневаться в том, что он был сожжен, мост, соединявший посад и замок, был уничтожен, а собравшиеся в замке бояре, мещане, казаки вместе с гарнизоном и служебными старостами изготовились к обороне. Нет сомнений также и в том, что Дашкович немедленно послал гонца в Киев с сообщением о надвигающейся угрозе и просьбой о помощи.

Сигизмунд, получив неприятную новость, немедленно отреагировал. В письме воеводе виленскому Гаштольдусу он писал, что де «иж тыми разы слухи нас дошли, што ж неприятель наш Саадет-Кирей, царь Перекопский, сам своєю головою и з многими людми войском своим и з делы прышол под замки наши украинные и вже обьлег замок наш Черкасы и старосту Черкаского и Каневского пана Остафя Дашковича на том замку нашом обогнал, и на голову того замку нашого добывает, чого ж Боже ему не поможе».

Время не терпит, продолжал далее король, Дашкевич нуждается в скорейшей помощи («напрутшом ретунке»), потому я, продолжал он, объявляю мобилизацию: «Яко ж росказали есмо воеводичу Троцкому, старосте Браславскому и Веницкому, князю Или Костентиновичу Острожскому (сыну покойного князя Константина Острожского, знаменитого литовского военачальника и победителя татар и москвитов. — В.П.) и князю старосте Луцкому и Володимерскому и всим князем и паном земли Волынское того ж часу на одно месцо до замку князя Илина до Полоного зъехатися и, естли бы они зрозумели, иж бы як могли до замку нашого Киева безпечне пройти, мы велели им до того замку нашого им нарыхлей тягнути и, як могучы, тым замком ретунок чинити». Далее король и великий князь сообщал, что по его приказу разосланы «листы», «аж бы вси князи и панове, и все рыцерство великого князьства нашого Литовского конно а збройно к той послуге нашой ехали и, на которым мейсцы кождый з них маеть бытии, мы велели в тых листех наших на то месцо зоставити»³³. Кстати, заодно Сигизмунду и панам рады представилась и замечательная возможность проверить, как работает установленный майским 1528 г. решением сейма в Вильно порядок мобилизации. Этот документ постановлял, что «иж хто-кольвек маеть людей своих в именьях своих, тот повинен с кождых осми служоб людей ставити пахолка на добром кони, во зброи, з древом, с прапором, на котором бы был панцер, прылбица, меч або корд, сукня цветная, павеза

и остроги две»³⁴. Правда, по опыту предыдущих лет, особых надежд на то, что посполитое рушение соберется быстро и выдвинется на помощь осажденному черкасскому старосте и его людям, было немного. Оставалось рассчитывать, что волынское «рыцerstво», а точнее, тамошние паны, сумеют вовремя собрать свои почты и прийти на «ретунок» черкасским сидельцам. До тех же пор, пока они это не сделают, Дашковичу надо было рассчитывать на собственные силы.

Теперь попытаемся реконструировать хотя бы в самых общих чертах хронологию осады. Выше мы уже писали о том, что 21 февраля 1532 г., Сигизмунд, пребывавший в Кракове, еще не знал об осаде Черкасс. Также нам известно, что Саадет-Гирей снял осаду, когда к Черкассам из Киева подошла судовая рать³⁵. Днепр в среднем вскрывается под Черкассами 22 марта н. ст., под Киевом – двумя днями позднее, т. е. применительно к реалиям начала XVI в. это будет, в лучшем случае, середина марта. Еще неделю-полторы займет ледоход – следовательно, плавная рать сможет выйти из Киева на помощь Дашкевичу в лучшем случае в 20-х числах марта, а доберется до замка в последних числах месяца или же в самом начале апреля. Длительность «сидения» М. Владимирский-Буданов определяет (без ссылки на источник) в 30 дней³⁶, Мартин Бельский – в 13³⁷, и его сведениям доверия больше (впрочем, нет ничего невероятного и в сроке, указанном Владимирским-Будановым, но об этом чуть ниже).

Итак, нижняя дата, знаменующая начало осады, – конец февраля – начало марта 1532 г., верхняя, когда осада была снята, – конец марта – начало апреля 1532 г. В эти недели, если принять на веру сообщение Бельского, уместились бомбардировка черкасского замка ханской артиллерией, несколько безрезультатных и кровопролитных попыток взять Черкасы штурмом (впрочем, это выглядит сомнительным: с одной стороны, «царский» «наряд» явно не обладал должной мощностью, а его пушки – надлежащим уменьением, чтобы подготовить атаку ханской пехоты, а бросать в бой свою «лейб-гвардию» и тем более посылать на неразрушенные стены своих нукеров ни хан, ни его «князья, уланы и мурзы» явно не стали бы. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что сперва татары попробовали взять Черкасы изгоном, но когда эта попытка провалилась, они окружили город, рассчитывая взять его измором. А пока продолжалось «сидение», осажденные предпринимали вылазки, осаждающие обстреливали замок, а отдельные удалыцы с обеих сторон гарцевали под стенами замка, меряясь силой. Да, кстати, учитывая время года,

можно также с уверенностью предположить, что воинники Саадет-Гирея не вели правильную осаду и не занимались всерьез земляными работами – разве что оборудовали позиции для «наряда». И если считать активную фазу осады в две недели (по Бельскому), а следовавшие затем переговоры Дашкевича с Саадет-Гиреем (Бельский сообщает о двух попытках хана вступить в контакт со старостой, и лишь вторая, после того, как стороны обменялись заложниками, имела успех³⁸) заняли еще несколько дней, то, в общем, нет ничего невероятного, что между появлением татар под стенами Черкасс и их окончательным уходом прошло около месяца.

Причина, по которой Саадет-Гирей снял осаду, не добившись успеха, тоже представляется вполне очевидной. Хан не мог позволить себе терять верных ему людей под стенами этого захудалого городишка – даже если бы штурм удался, Дашкович и его люди так просто в плен бы не сдались, и на руинах Черкасс случилась бы немалая резня. И что в таком случае получил бы Саадет-Гирей – руины? Ценность такого трофея явно была несоизмерима с затратами на его приобретение.

И когда не получилось взять Черкассы ни измором, ни хитростью (выманив Дашкевича для переговоров – если верить Бельскому), и когда по Днепру из Киева к осажденным пришел долгожданный «рятунок», да еще пришла распутица, а за несколько недель стояния под Черкассами татары разорили дотла всю черкассскую округу, – Саадет-Гирею оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре.

Это он и сделал: побратался с Дашкевичем, договорился с ним, что он будет ходатаем по ханским делам перед Сигизмундом, отправил посольство в Краков и повернул назад восвояси. Но расчеты хана на благоприятный исход экспедиции и сохранение лица не оправдались. Неудача под стенами Черкасс дорого стоила ему. Можно предположить, что уцелевшая к тому времени крымская аристократия, добившись от Саадет-Гирея устранения его брата Сахиб-Гирея (последний, оговоривший главу клана Кыпчаков Селимшаха и ряд других князей, был отправлен ханом в Стамбул осенью 1531 г.), намеревалась «царю», лишившемуся поддержки в лице удаленного калги и последних своих сторонников, что его дальнейшее пребывание на троне становится слишком тягостным для крымской «земли». В итоге в мае 1532 г. Саадет-Гирей отказался от власти и уехал в Турцию.

Торжествующий Ислам-Гирей занял было опустевший крымский стол, но затем призадумался. Как писал российский историк

В.Д. Смирнов, «зная связи Сеадет-Гирея в Стамбуле, он (Ислам-Гирей. – *В.П.*), естественно, думал, что ему даром не пройдет торжество над Сеадетом, тем более, что не все же татары были его сторонниками (в самом деле, если Ислам-Гирей опирался на Ширинов, а его дядя – над тех же Кипчаков и, возможно, Мангытов, то следовало ожидать, что Ширины попытаются взять реванш, а это, естественно, было не по вкусу бывшим сторонникам Саадет-Гирея. – *В.П.*). Тогда, не будучи уверен в прочности своего положения и не дожидаясь, пока султан предпримет что-нибудь против него, он сам послал султану просьбу назначить ханом в Крым того, кого он хочет»³⁹. После недолго раздумья султан Сулейман I решил, кого ему угодно видеть на крымском столе, и отправил туда обретавшегося под султанской рукой Сахиб-Гирея, вручив тому знаки своего монаршего благоволения: грамоту-маншур, бунчук и барабан. А чтобы у Ислам-Гирея и его сторонников не возникало сомнений относительно того, на чьей стороне его султанское величество, Сахиб-Гирея сопровождал немалый отряд капыкулу. Крымские и османские хронисты писали, что Сулейман передал Сахиб-Гирею ни много ни мало, а 1000 стрелков-секбанов, 300 латников-спахи, 60 пушкарей, не считая прочих, составлявших свиту хана. К тому же султан пожаловал Сахиб-Гирею на содержание всего это воинства еще и немалую сумму так называемых «псарных денег», «секбан акчеси»⁴⁰. Правда, это войско, по замечанию В.Д. Смирнова, выполняло функции не только и даже не столько эскорта хана, сколько конвоя, присматривавшего за тем, чтобы поставленный султанской волей крымский правитель не забывал, кому он обязан властью. Но об этом Сахиб-Гирей узнает позже, а пока он, торжествуя победу, начал обживать в ханской резиденции. Ислам-Гирей был вынужден удовольствоваться статусом наследника-калги и удалиться в Ферах-Керман, где начал вынашивать планы продолжения борьбы за власть. В крымской «замятне» начался новый (и последний) этап, а Василию III пришлось отложить свой план войны с Сигизмундом⁴¹, и, как оказалось – навсегда.

¹ См., например: Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974; Черкас Б.В. Степовий щит Литви. Київ, 2011 и др.

² См., например: Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 63; Он же. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна

в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. № 1. С. 109–110; Он же. Степовий щит Литви. С. 125–127; Чухлиб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 pp. Київ, 2010. С. 80–81; Plewczyński M. Wojny I wojskowość polska w XVI wieku. N. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. S. 328–331.

³ Подробнее см., например: Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20-30-х роках XVI ст. С. 97–118.

⁴ Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 256; Разрядная книга (далее РК) 1475–1598. М., 1966. С. 78; РК 1474–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 218–220.

⁵ Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями... С. 255–256.

⁶ Гайворонский А. Повелители двух материков. Т. I. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 178–179; Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями... С. 258; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 59; Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві... С. 109; Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 454.

⁷ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 114.

⁸ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 278–279.

⁹ Там же. С. 279.

¹⁰ Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Ч. 8. Т. V. Акты об украинской администрации XVI–XVII вв. Киев, 1907. С. 4, 5.

¹¹ О черкасском старосте см. подробнее: Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.

¹² Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 455.

¹³ Описание Черкасского замка. 1552 год, февраль–март // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Ч. VII. Т. I. Акты о заселении Юго-Западной России. Киев, 1886. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 79–80.

¹⁷ Там же. С. 81–82, 87–89.

¹⁸ Там же. С. 86–87.

¹⁹ Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 185–186.

²⁰ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. Sanok, 1856. P. 1055.

²¹ См., например: Черкас Б.В. Степовий щит Литви. С. 125–126; Чухлиб Т. Вказ. праця. С. 80; Plewczyński M. Op. cit. S. 328.

- ²² Дунаев Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 57. Ср.: Inalchik H. Op. cit. P. 459–460.
- ²³ Inalchik H. Op. cit. P. 448.
- ²⁴ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1059.
- ²⁵ См., например: Inalchik H. Op. cit. P. 459–460.
- ²⁶ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1055.
- ²⁷ См.: Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. С. 60–61; Lietuvos metrika (1506–1539). Kn. 7. Vilnius, 2011. P. 434.
- ²⁸ См.: Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями... С. 261.
- ²⁹ См., например: Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 13–14, 15–17.
- ³⁰ См.: Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. С. 195.
- ³¹ Примечательно, но в 1533 г. новый крымский хан, Сахиб-Гирей I, собираясь идти в поход на «московского», попросил у Сигизмунда охранную грамоту, «абы им (ханским ратям. – В.П.) вольно ходить, Москвы воевать, мимо замки в.м. украинные Черкасы и Канев, а теж бы лист свой дал до старосты Черкаского и Каневского (того самого О. Дашковича. – В.П.), абы им жадная ся шкода не становила от казаков...» (Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. С. 186).
- ³² Описание Черкасского замка. 1552 год, февраль–март. С. 81–82.
- ³³ Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. С. 186–187.
- ³⁴ Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2003. С. 49.
- ³⁵ Описание Черкасского замка. 1552 год, февраль–март. С. 91.
- ³⁶ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1055.
- ³⁷ Акты о заселении Юго-Западной России. С. 93.
- ³⁸ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1055–1056.
- ³⁹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. М., 2005. С. 304.
- ⁴⁰ Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М., 2009. С. 48; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. С. 307.
- ⁴¹ Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). С. 16, 20.